

Е.В. ЛОЗИНСКАЯ

КОГНИТИВНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: АВТОРЫ, МЕТОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Существует ли когнитивное литературоведение?

Словосочетание «когнитивные исследования литературы» (cognitive literary studies) и сходные с ним «когнитивная поэтика», «когнитивная стилистика» в последние 15–20 лет завоевывают все большую популярность в западном литературоведении. Создается впечатление, что в этой науке действительно произошел «когнитивный поворот» (хотя и лет на 30 позже, чем в других гуманитарных дисциплинах) и сформировались принципиально новые подходы к изучению художественного текста, новое научное направление. Все внешние признаки возникновения и институализации нового направления в данном случае, несомненно, имеются. Со второй половины 1990-х годов выделяются «когнитивные» секции, «круглые столы» и заседания на литературоведческих конференциях или «литературоведческие» сессии при общекогнитивных мероприятиях. В июне 1998 г. в одном из наиболее крупных и авторитетных академических объединений филологов в США – Ассоциации современного языка (Modern language association – MLA) – была создана дискуссионная группа «Когнитивные подходы к литературе» («Cognitive approaches to literature»). Существует несколько периодических изданий, регулярно публикующих литературоведческие статьи когнитивного толка («Poetics today», «Language and literature», «Style», «Journal of literary semantics», «PsyArt»). Эти и более традиционные журналы сочли необходимым посвятить целые номера когнитивным и околокогнитивным методам анализа литературы (41; 42; 43; 44; 12; 51; 19). В 2002 г. вышло первое учебное издание

по когнитивной поэтике, подготовленное П. Стоквеллом (61), а в 2003 г. – сопроводительный том статей (13), иллюстрирующих практические возможности применения методик. Когнитивные термины и подходы описаны в «Энциклопедии нарративной теории» издательства «Рутледж» (56). Издатели оксфордского «Путеводителя по литературной теории и критике» (52), представляющего широкому читателю наиболее важные и влиятельные литературоведческие концепции и направления, сочли необходимым включить в него статью о литературоведческом когнитивизме.

Тем не менее отношение к нему далеко от безусловного признания за ним научной ценности и даже самого права на существование. Так, последний том фундаментальной «Кэмбриджской истории литературоведения» (64), посвященный новым и новейшим теориям, полностью игнорирует когнитивное литературоведение (далее – КЛ). В дискуссиях на страницах теоретико-литературных изданий звучали сомнения в том, что КЛ – это литературоведческая, а не лингвистическая или психологическая дисциплина. При этом иногда создается впечатление, что участники диспутов говорят о нескольких разных научных явлениях. И это имеет под собой объективные основания.

Как признают сами когнитивисты, говорить о когнитивной школе в литературной критике вряд ли возможно. Сам термин «когнитивный» слишком размыт по значению, чтобы представлять собой отчетливую объединяющую характеристику (54). Он может отсылать к концепциям когнитивной лингвистики, когнитивной психологии, изучающей функционирование человеческого сознания, или к значительно более «низкоуровневым» нейрофизиологическим и нейропсихологическим данным о деятельности не сознания, а собственно мозга. Он может предполагать когнитивную деятельность в узком смысле слова (т.е. восприятие, обработку и ментальное представление информации) или же включать аффективные стороны эстетической рецепции. В дискуссии о перспективах КЛ на страницах журнала «Poetics today», ставшей реакцией на публикацию специального «когнитивистского» выпуска издания (44), оппоненты нового направления удивились отсутствию «методологической специфики», разнообразию исследовательских подходов, которые «редакторы-составители тщетно пытаются объединить под общим титулом “когнитивизм”» (7). И действительно,

как признают сами когнитивисты, речь идет не о новой школе, а всего лишь о пересечении областей исследовательских интересов и общности некоторых теоретических предпосылок (54, с. 152). Отчасти это объясняется различиями в теориях, методах и предметах исследования во всех остальных дисциплинах, входящих в число когнитивных наук (когнитивной психологии, когнитивной антропологии, когнитивной лингвистики и др.), на которые ориентируются литературоведы-когнитивисты, но не только этим. Различия между индивидуальными подходами могут быть связаны с тем, как тот или иной исследователь пришел в КЛ, какого масштаба он ставит перед собой задачи, как понимает некоторые базовые термины и т.п. Поэтому А. Ричардсон – один из первых «историков» КЛ – определяет его как «своего рода **общую площадку**» «для работы литературных критиков и теоретиков, жизненно заинтересованных в когнитивной науке и нейрологии и именно поэтому способных многое сказать друг другу, несмотря на все имеющиеся между ними различия» (53, с. 2).

Итак, литературоведы-когнитивисты «заинтересованы» в данных когнитивных наук – дисциплин, изучающих процессы, сопровождающие обработку информации человеком, и структуры сознания, обеспечивающие приобретение и использование знания, в частности порождение смысла в рамках языковой (и, следовательно, литературной) деятельности. Однако степень и характер этой заинтересованности весьма сильно варьируются. Например, создатель «теории литературных универсалий» (31) П.К. Хоган, чья принадлежность к КЛ никем не отрицается, использует довольно мало типично когнитивистской лексики. Вместе с тем существуют авторы, применяющие к литературным текстам конкретные когнитивистские концепции и понятия (например, теория концептуальной интеграции, образ-схема, идеализированная когнитивная модель, схема, сценарий, фрейм, скрипт, метарепрезентация, «теория сознания», ментальное пространство) в качестве удобных или модных инструментов без понимания стоящей за ними теоретической основы.

Кто работает «на общей площадке»?

Очертить условные границы литературоведческого когнитивизма можно, указав на список работ и персоналий, традиционно

относимых к этому направлению – как «извне», так и «изнутри». Следует отметить, что уже в рамках самого КЛ успели сформироваться своего рода мини-школы на основе некоторых успешных стать «классическими» концепций, представляющих собой «точки сгущения», вокруг которых концентрируются разработки других авторов, использующих предложенную в них систему категорий или теорию¹.

Интерес к выявлению связей между литературой и общими принципами организации человеческого мышления в контексте представлений о нем когнитивной науки литературоведы и представители других дисциплин стали проявлять в начале 1980-х годов, когда еще не существовало устойчивого выражения «когнитивные исследования литературы»: в этой области работали Р. Цур, Н. Холланд, Р. де Богранд и др. В это же время была создана теория концептуальной метафоры М. Джонсона и Дж. Лакоффа (40), согласно которой метафора – это не стилистическое украшение, риторическая фигура, а основополагающий механизм человеческого мышления, обеспечивающий проекцию одной области концептуального опыта на другую (например, проекцию представлений об организации пространства на концепт времени). Именно эта идея легла в основу первой осознанно когнитивной литературоведческой концепции, изложенной в книге американского филолога Марка Тёрнера «Смерть – мать прекрасного: Сознание, метафоры и критика» (68). М. Тёрнер показал, что конвенциональные концептуальные метафоры могут лежать в основе как отдельных художественных образов, так и элементов текста более высокого уровня организации – в основе лейтмотивной структуры, композиции и т.п., и поэтому метафора представляет собой прототипический случай аналогического мышления, характерного для литературы в целом. Но все это можно считать еще предысторией КЛ.

Его история началась, когда в 1991 и 1996 гг. М. Тёрнер опубликовал две принципиально важные для КЛ работы, которые и самими когнитивистами, и литературоведами в целом были восприняты как манифесты нового направления. Ключевой идеей первой книги – «Читающие сознания» (69) – можно считать сле-

---

¹ Более подробное изложение большинства упомянутых ниже теорий можно найти в обзоре (3).

дующее. Современная гуманитарная наука, как утверждает М. Тёрнер, потеряла ощущение фундаментальной связи между литературой и естественным языком, заменив его аналогией между литературой и другими знаковыми системами. Она ошибается в том, что литература – это особый род языковой деятельности, который следует анализировать с помощью иных методов, чем обыденную речь людей, и в том, что литература организована очень сложным образом, а обычная речь – намного проще. На самом деле «вся литература эксплуатирует ресурсы современных ей обыденного языка и концептуальных структур» (69, с. 14), которые в ней раскрываются наиболее полным и совершенным образом. Обновленное (читай: когнитивное) литературоведение должно сосредоточиться на вопросах использования в создании и восприятии литературных произведений человеческого когнитивного аппарата. Литературный язык в КЛ будет рассматриваться как естественное продолжение языка обыденного, а литературное значение будет привязано к конвенциональным концептуальным структурам, которые придают форму и обыденному, и литературному языку в единой и систематической манере (69, с. 18).

Система М. Тёрнера получила название «когнитивная риторика», поскольку представляет собой «естественное продолжение риторики классической», занимавшейся не вопросами изящества стиля, как во времена своего упадка, а проблемами соотношения языка и мысли, использования «общих мест», теорией нахождения (*inventio*) и т.д. Литературоведы отказались от этого риторического фундамента исследований, ошибочно предполагая, что ментальные процессы, имеющие место при написании и прочтении текстов, хорошо изучены наукой и известны им самим. На самом деле это не так: современная когнитивная наука имеет весьма отрывочные представления об организации сознания, но даже то, что ей известно, не входит в концептуальный аппарат литературоведения.

В книге «Литературное сознание» (70) М. Тёрнер переворачивает свой центральный тезис, что поэтическое мышление – это прежде всего мышление повседневное, и одновременно развивает и продолжает его. Теперь его основная цель – показать, что те организационные принципы, которые мы традиционно относим к «литературным», на самом деле являются основой нашего обыденного мышления. Эти организующие сознание принципы – ис-

тория-нарратив (story), проецирование и парабола, т.е. проекция одной истории на другую. Обе работы М. Тёрнера очень важны для развития литературоведческого когнитивизма, но вместе с тем представляют собой привлекательный объект для критики со стороны. Причина этого в том, что по существу это не литературоведческие работы, а своего рода «новая философия литературоведения», не исследования литературных текстов и даже не подробная программа таких исследований, а пересмотр основных принципов научной дисциплины. Хотя в дальнейшем КЛ занялось куда более частными вопросами, практически для всех литературоведов-когнитивистов эти тезисы М. Тёрнера (возможно, в несколько смягченной форме) являются базовыми предпосылками, которые настолько очевидны, что о них можно даже не упоминать.

Еще одна основополагающая для КЛ работа – книга израильского литературоведа Р. Цура «На пути к когнитивной поэтике» (67), заметно отличающаяся от работ М. Тёрнера по стилю изложения, аналитическим процедурам, общим целям и т.п. Это фундаментальная¹ теоретико-литературная работа, в которой практически каждое теоретическое положение иллюстрируется разбором конкретного текста, анализом приема и т.п. Она возникла не из желания применить к литературному материалу идеи и теории, первоначально разработанные в когнитивных лингвистике и психологии, не из стремления пересмотреть методологию в свете интердисциплинарности, а из обобщения результатов практической работы. Как пишет сам Р. Цур, в 1980 г. на Второй ежегодной конференции Ассоциации когнитивных наук (Нью-Хейвен, США) он, «подобно молюеровскому мещанину во дворянстве, однажды открывшему, что всю свою жизнь изъяснялся прозой», «обнаружил, что уже на протяжении 10 лет или около того большая часть его работы в области литературной критики и теории была посвящена когнитивной поэтике» (67, с. 1). Общетеоретические представления Р. Цура о сущности литературы сходны с идеями М. Тёрнера и в то же время включают в себя тезисы, восходящие к русской формальной школе и ее наследникам.

---

¹ По объему больше обеих книг Тёрнера, вместе взятых – при свойственном Р. Цуру исключительно сжато и точном стиле изложения.

Исходное положение когнитивной поэтики по Р. Цуру заключается в том, что «поэзия эксплуатирует в эстетических целях когнитивные (включая лингвистические) процессы, которые изначально развились для внеэстетических целей» (67, с. 4). Такое допущение представляется автору более экономным, чем постулирование независимых эстетических и/или лингвистических механизмов. Весьма часто, хотя и далеко не всегда, «нецелевое» эстетическое использование ментальных структур предполагает их модификацию, адаптацию, а иногда и деформацию. «В некоторых маргинальных, но особо показательных случаях эта модификация может стать “организованным насилием над когнитивными процессами”, перефразируя знаменитое выражение русских формалистов» (67, с. 4). Хотя Р. Цур и считает, что анализ литературного материала может помочь в изучении человеческого сознания как такового, его главной целью остается выявление «различий между когнитивными процессами в целом и своеобразным способом их эксплуатации в литературных целях» (67, с. 2). Он исследует, каким образом свойственные человеку методы обработки информации определяют и ограничивают поэтический язык и форму, а также позицию самого критика. Очевидно, что в этом случае методология когнитивной поэтики должна соединить в себе подходы когнитивной науки и традиционных отраслей литературоведения, лингвистики, эстетики, поскольку принципы функционирования литературы не могут быть исчерпывающе описаны в терминах когнитивной науки исключительно.

В середине 1990-х годов в когнитивной лингвистике была создана теория концептуальной интеграции (ТКИ), ставшая объединением и продолжением исследований двух авторов: анализа языковых и литературных метафор М. Тёрнером и изучения ментальных пространств французским лингвистом Ж. Фоконье. Наиболее полное ее изложение имеется в их совместной книге «Каким образом мы думаем: Концептуальные сплавы и скрытые сложности сознания» (23). В соответствии с теорией концептуальной интеграции возникновение смыслов значительного числа высказываний происходит в результате акта, сходного с метафорой. Однако в ТКИ, как и в оригинальной теории Ж. Фоконье (22) (в отличие от теории концептуальной метафоры), мы имеем дело не с концептуальными областями, а с ментальными пространствами – пакетами

информации, возникающими в процессе мышления и речи и позволяющими нам выявить подробную внутреннюю структуру высказывания или концептуального поля, расчленив их на более мелкие составные части. Ментальные пространства конструируются в режиме реального времени специально для целей конкретного дискурса, они уникальны для каждой ситуации и имеют временный характер. Их существенная черта – парциальность, каждое из них содержит информацию не о всей ситуации, а о ее части. Кроме того, вместо прямой проекции одного пространства (источника) на другое (цель), как это происходит в метафоре, при осуществлении концептуальной интеграции оба пространства выступают в качестве строительного материала для третьего, называемого «интегратором» (или «сплавом», «blend»). *Интегратор* имеет свою собственную структуру, которая возникает на основе элементов, принадлежащих исходным пространствам, но при этом может быть сложнее их простого объединения. Соответствие между элементами двух исходных пространств устанавливается благодаря наличию между ними структурной общности, которую можно представить в виде «родового» или «обобщенного» пространства. Результирующее пространство (или интегратор) возникает в результате переноса в него части элементов первого и части элементов второго пространства. Во многих случаях схемы концептуальной интеграции включают в себя не четыре, а значительно большее количество пространств. Из всех концепций когнитивной лингвистики именно ТКИ наиболее активно и успешно адаптируется к литературоведческой проблематике. Она применяется к исследованию поэтической образности, эволюции жанров, психологии персонажей, повествовательной перспективы, проблеме соотношения формы и содержания и т.д. Надо отметить, что успехи применения ТКИ заставили литературоведов обратить внимание и на исходную концепцию Ж. Фоконье, которая, например, стала применяться для анализа структуры вымышленных миров и нарративов.

Еще одной «точкой сгущения» в когнитивизме стали работы П.К. Хогана по изучению литературных универсалий, т.е. «характеристик (свойств, отношений, структур) произведений одного типа (например, нарративных), встречающихся в генетически не связанных и не влиявших друг на друга традициях с большей частотой, чем можно было бы предсказать, исходя из теории вероят-

ности» (33). Появление литературных универсалий закономерно, поскольку литература создается людьми, между которыми «неизмеримо больше сходства, чем отличий» (31, с. 3). Общими для всех людей в первую очередь являются механизмы мышления, поэтому изучение литературных универсалий «как непосредственного продукта определенных когнитивных структур и процессов в применении к конкретным областям и с конкретными целями» (32, с. 4) – это естественная часть когнитивных исследований. Более того, по мнению П.К. Хогана, это ключевая субдисциплина когнитивной науки, поскольку последняя не может сказать о себе, что поняла человеческое мышление, пока не разобралась с таким вездесущим и значимым проявлением человеческой ментальной активности, как литература (там же). Теория П.К. Хогана предполагает не только дескриптивный аспект – выявление литературных универсалий, но и объяснительный – поиск когнитивных (в том числе и нейрофизиологических) механизмов, лежащих в основе того или иного общераспространенного явления. Среди выявленных и обоснованных Хоганом универсалий – ограничения на способы организации стиха и длину поэтической строки, прототипические сюжеты, системы конвенциональной образности и т.п. В начале 2000-х годов начало складываться научное сообщество, занимающееся проблемой литературных универсалий.

Множество когнитивных работ было создано в области нарратологии, которая еще до возникновения КЛ использовала понятийный аппарат когнитивной психологии и теорий искусственного интеллекта (фрейм, сценарий, скрипт, обработка текста, грамматика истории). Некоторые нарратологические работы, не будучи частью КЛ, входят в круг исследований, соприкасающихся и пересекающихся с ним: например, теория формального описания фабулы М.-Л. Райан (57), «естественная» нарратология М. Флудерник (24), изучение К. Эммотт литературных повествований на основе теорий понимания дискурса (21). Среди исследователей, практикующих собственно когнитивную нарратологию, наиболее известны М. Ян (36; 37; 38) и Д. Герман (25; 26; 27). Однако следует учитывать, что эта отрасль когнитивного знания очень разнообразна в своих проявлениях и не имеет законченной общепризнанной теории нарратива, подобной, например, теории Ж. Женетта. Общее представление о различных аспектах когнитивной нарратологии

можно получить из подготовленного Д. Германом сборника «Теория нарратива и когнитивные науки» (50), в который вошли статьи большинства вышеупомянутых авторов.

К КЛ нередко относят те работы, которые имеют дело с более низкоуровневыми, чем собственно когнитивные, феноменами. Отличие их от «когнитивных исследований литературы» в узком смысле заключается в том, что они опираются на представления о функционировании не сознания, а скорее мозга. Общая направленность этих исследований заключается не в том, чтобы выяснить, какие структуры сознания порождаются в процессе восприятия художественного произведения и как они определяют его смысл, а в том, чтобы понять, какие особенности человеческого мозга делают возможным восприятие литературы. Так, изучение нарративной эмпатии – сопереживания персонажу художественной литературы – опирается на представление о функционировании особой области мозга – зеркальных нейронов. Данные современной нейрофизиологии и нейропсихологии позволяют также выявить, какими процессами обуславливаются такие явления, как «временный отказ от недоверия» (классическое выражение С. Колриджа) при восприятии литературного текста, ощущение «переноса» в другой, выдуманный, мир во время чтения, способность испытывать удовольствие от чтения или созерцания трагических, пугающих, отвратительных сцен и т.п. Наиболее полным компендиумом современных нейропсихологических сведений, позволяющих выявить фундамент литературной деятельности, т.е. почему вообще возможна литература, является книга Н. Холланда «Литература и мозг» (34).

В рамках КЛ могут изучаться не только собственно когнитивные, но и аффективные особенности восприятия художественного текста. Внимание к роли эмоций при чтении литературного текста особенно характерно для работ Д. Майелла и Д. Куикена, Н. Холланда, П.К. Хогана и Р. Цура.

А. Ричардсон в своей классификации когнитивных исследований (53) отнес к разделу когнитивной поэтики вместе с работами Р. Цура исследования канадских литературоведов Д. Майелла и Д. Куикена (см., например: 47; 48; 49). Однако наиболее важная черта их исследовательского проекта заключается в эмпиризме методологии. Эти ученые изучают реальное восприятие текстов

реальными читателями путем постановки экспериментов, подобных проводимым в социальных науках и психологии. Формулировка гипотез, подлежащих проверке в эмпирических исследованиях, может осуществляться как в когнитивных, так и во вполне традиционных поэтологических терминах (например, литературоведы-эмпирики активно исследуют различные аспекты «актуализации» и «деавтоматизации» – феноменов, обнаруженных представителями формальной школы). Эмпирическое литературоведение может рассматриваться как отдельная дисциплина, пересекающаяся с КЛ лишь отчасти. Например, работы М. Бортолусси и П. Диксона (9), изучающих эмпирическими методами именно когнитивные аспекты восприятия нарративных текстов, могут быть отнесены одновременно к двум направлениям. Другие эмпирические исследования не используют представления когнитивных наук, опираясь на положения классической стилистики, рецептивной эстетики, русских формалистов и т.п.

Аналогичная ситуация сложилась и в эволюционной, или дарвинистской, теории литературы. Наиболее известный в КЛ ее пропагандист П. Хернади (28; 29) и некоторые его коллеги (18; 20) стремятся найти ответ на вопрос, почему, зачем и каким именно образом человечество создало такой вид деятельности, как литература. В этом они опираются на открытия эволюционной психологии, в которой человеческое сознание рассматривается как комплекс информационных механизмов, выработанных в процессе естественного отбора для решения задач адаптации, стоявших перед нашими предками, и ведется поиск материальных оснований для различных аспектов человеческой интеллектуальной и духовной деятельности. Хотя в таком понимании основные установки эволюционной теории литературы вполне когнитивны по своему духу и букве, в целом дарвинистские исследования искусства весьма разнообразны и занимают особое место в современной эстетике, соприкасаясь с когнитивными науками лишь отчасти. Например, задачей *биопоэтики* является переопределение литературоведческих исследований в парадигме социобиологии и эволюционной психологии. Дж. Кэрролл, Р. Стори и другие авторы (8; 11; 62) рассматривают литературу как биологический феномен и до известной степени игнорируют нейрокогнитивный, лингвистический, психологический и культурный уровни анализа. Это при-

водит к тому, что значительная часть «когнитивного» из работ приверженцев биопоетики устраняется.

Что же их всех объединяет?

При всех различиях в практических методах и объектах исследования вышеуказанных авторов, все они разделяют несколько общих предпосылок. В первую очередь, ими признается существование в сознании **глубинных** (т.е. не рефлектируемых человеком в момент их реализации) **структур и процессов**, которые делают возможным восприятие литературного произведения, влияют на его форму, на особенности смыслопорождения и эмоциональных реакций читателя. Представление о глубинных структурах, определяющих форму и смысл литературного произведения, дает некоторые основания для сближения когнитивного и структуралистского подходов к литературе. Тем не менее между ними существует серьезное расхождение. Структуралисты указывали на существование глубинных структур в самом тексте как имманентном явлении. Эти структуры воспринимались как производные от языковых, причем для структурализма была характерна панъязыковая концепция сознания, т.е. идея, что фундаментом когнитивной деятельности является язык, и его организация определяет организацию мыслительной деятельности. В когнитивной теории (по крайней мере, в том ее изводе, который используется в литературных исследованиях) речь идет о глубинных структурах и процессах, существующих **не в тексте, а в человеческом сознании**, и используемых, как правило, для обработки не только языковой, но и иной информации. При этом в порождении смысла (акте интерпретации) участвуют и выступают на первых ролях доязыковые и внеязыковые структуры сознания. Хотя в когнитивной науке не отрицается полностью идея, что отдельные аспекты конкретных языков могут влиять на мыслительные механизмы носителей соответствующей культуры, это влияние не является тотальным и определяющим. Напротив, значительно бóльшую роль в формировании структур сознания играют **телесные аспекты человека**. Наша вертикальная ориентация, связанная с прямохождением, симметричность правой и левой сторон тела, несимметричность его задней и передней частей и т.п. — все это влияет на мыслительные ка-

тегии, на организацию языка, процессы смыслопорождения и в конечном счете на специфику литературных произведений или объектов искусства. В рамках когнитивных исследований вполне возможно изучение глубинных бинарных оппозиций, как это происходило в работах структуралистов, однако такие оппозиции понимаются не как имманентные самому тексту, а как предсуществующие по отношению к нему. Следует отметить, что в когнитивизме имеют важное значение **не только структуры, но и процессы**, протекающие в сознании, – например переключение внимания, активация семантической или эпизодической памяти, переход от одной ментальной репрезентации к другой, докатегориальная обработка аудиальной или визуальной информации и т.п.

Еще одним важным общекогнитивным философским положением является **экспериенциальный реализм, или экспериенциализм**. Дж. Лакофф (2, с. 211 и далее) противопоставляет его объективизму, утверждающему, что мы воспринимаем мир таким, какой он существует в реальности, а цель языка и концептуальной системы – «правильно отразить» действительность. В отличие от него экспериенциалистский подход предполагает, что реальность не дана нам объективно, но в значительной степени сконструирована нашим сознанием. Это не означает, что объективной действительности не существует, она, несомненно, есть, но особенности нашей телесной и, следовательно, ментальной организации накладывают ограничения на то, какую часть этого мира мы воспринимаем, а какую – нет, и, главное, каким мы воспринимаем то, что воспринять способны. Для литературоведения этот подход имеет два важных следствия.

Во-первых, будучи компонентом реальности, текст в принципе не может изучаться непосредственно. Любая филологическая система, которая утверждает, что анализирует только текст или текст и его объективно существующие контексты, обманывает сама себя: на самом деле даже непосредственная, доаналитическая его перцепция структурирована внетекстовыми ментальными механизмами. КЛ эксплицирует это положение вещей, поэтому в большинстве когнитивистских исследований существенную роль играет **момент рецепции**. Произведение воспринимается не как существующий сам по себе, отдельно от человека, объект, а как **сложный комплекс, состоящий из текста и процессов, проте-**

кающих в сознании воспринимающего субъекта. Здесь можно проследить определенную общность с концепциями рецептивной эстетики Ингардена, констанцской школы и литературоведческой герменевтики, однако между ними и КЛ существуют и серьезные расхождения. В первую очередь это связано с **универсализмом** когнитивного подхода. Если для Х.Р. Яусса конститутивную роль играют преимущественно контекстуальные, исторически-конкретные аспекты рецепции, то в когнитивизме преимущественно речь идет о процессах и структурах, общих для человека как биологического вида. Помимо этого, феноменология литературного произведения в понимании Р. Ингардена или В. Изера предполагает заполнение «пустых мест», «участков неопределенности», оставляемых текстом. В когнитивном понимании литературное произведение – это не дополненный ментальными репрезентациями текст, а текст, определяемый структурами или процессами сознания и реализующийся в них.

Во-вторых, экспериенциалистский подход определяет **когнитивное понимание семантики** и, следовательно, процесс интерпретации художественного текста. Объективизм исходит из того, что семантика изучает отношения между словами и их денотатами – объектами реальности. С точки зрения когнитивистики языковое значение **«отражает» не реальность напрямую, а определенную концептуальную структуру**, имеющуюся у человека. В этом контексте в рамках когнитивизма теряет остроту проблема онтологического статуса художественного мира. Возникновение ментальных репрезентаций может быть инициировано в равной мере как перцепцией реально существующих объектов, так и рецепцией текста, и принципиальных отличий во внутренней структуре таких репрезентаций не имеется, что расширяет возможности использования средств дискурсивного анализа в моделировании мира художественного произведения. Этот вопрос изучался, конечно, и в рамках иных литературоведческих направлений, прежде всего нарратологии. Разделение плана дискурса и вымышленного мира произведения, а также указание на то, что ментальная деятельность персонажей порождает своего рода субмиры, имеется, например, в работе Ц. Тодорова (5). Однако когнитивизм и околокогнитивные дисциплины предлагают конкретные и хорошо разработанные инструменты для исследования вымышленных миров: в первую очередь теорию

«текстовых миров» нидерландского лингвиста П. Верта (71) и теорию ментальных пространств Ж. Фоконье (22).

В когнитивной семантике языковое выражение не служит контейнером для своего значения, а выступает в качестве подсказки (prompt), стимулирующей процесс **конструирования смысла** в рамках конкретной дискурсивной ситуации. Практически любое высказывание становится неоднозначным, допускает различные интерпретации, на которые оказывают существенное влияние элементы ситуации, не имеющие эксплицитного лингвистического выражения. В применении к литературным произведениям этот тезис, казалось бы, сближает позицию литературоведов-когнитивистов и представителей литературоведческого деконструктивизма. Действительно, попытки вписать когнитивизм в постструктуралистскую и деконструктивистскую парадигмы делались (60). Однако в целом в КЛ наблюдается сильная оппозиция по отношению к деконструктивизму, более того, многими когнитивистами их собственная научная позиция определяется как реакция на засилье деконструктивных практик и «активной интерпретации» в понимании Йельской школы. Интерпретация в понимании когнитивистов не может сводиться к «свободной игре» смыслами интерпретирующего субъекта уже потому, что этот субъект ограничен в своих усилиях глубинными ментальными структурами, определяющими и оформляющими его толкования. Наиболее фундаментальные механизмы смыслопорождения являются общими для всего человечества и поэтому порождают общее (в принципиальных вопросах) понимание текста. Эти ментальные структуры в подавляющем большинстве недоступны контролю со стороны субъекта, а попытка их деконструкции привела бы к дегуманизации процесса чтения, поскольку именно они определяют специфику мыслительного процесса человека. В этом состоит их отличие от того, что имеет в виду под ментальными структурами деконструктивистская герменевтика, подразумевающая под ними явления идеологического и аналогичного характера.

Когнитивное литературоведение – это литературоведение или отрасль психологии?

Перенос концепций когнитивной науки (психологии, лингвистики и т.п.) в литературоведение вызывал у критиков этого

направления справедливые опасения, что при этом будет утеряна специфика литературы как предмета изучения. Во многом такие замечания являются реакцией на афористичные формулировки, подобные известному высказыванию М. Тёрнера: «Литературное мышление – это не отдельный вид мышления. Это наше мышление. Литературное мышление – это фундамент мышления» (70, с. 1). Действительно, если при восприятии литературного текста работают те же механизмы, что и при обыденном мышлении или восприятии нелитературного текста, каким образом изучение этих механизмов позволит нам выявить сугубо литературные особенности текста? А если мы их не выявляем, то почему мы занимаемся литературоведением, а не лингвистикой или психологией?

На самом деле и в традиционном литературоведении не существует общепринятого исчерпывающего определения специфики литературы. Существует классическая работа Ж. Женетта, в которой представлены и соотнесены различные концепции литературности (1). В когнитивном и эмпирическом литературоведении попытки определить это понятие продолжаются (46; 48; 49), при этом именно КЛ может добиться в данном вопросе серьезных успехов, поскольку литература очевидным образом представляет собой «естественный класс», не теоретически сконструированный, а реально существующий в сознании человека концепт. А именно анализ такого рода концептов – это один самых ранних и проработанных элементов общенаучной когнитивной методики (работы Э. Рош, Дж. Лакоффа (55; 2) и др.).

Вместе с тем КЛ действительно отказывается от широко распространенного убеждения, что существует особый, принципиально отличный от обыденного «язык» литературы, который воспринимается с помощью структур сознания, существующих только для этого, и требует специальных, не нужных ни для чего более методов изучения. Для КЛ наиболее фундаментальные аспекты литературы представляют собой прототипические, наиболее яркие и выразительные, примеры общекогнитивных методов взаимодействия с окружающей средой. Один из конститутивных признаков литературы, собственно, и заключается в том, что при ее восприятии акцентируются, эксплицируются, используются на пределе возможностей и в наиболее выраженной форме обычные когни-

тивные механизмы. Литература – одно из высших проявлений человеческих когнитивных способностей.

Утрачивается ли при этом ее специфика? А теряется ли специфика спорта оттого, что в нем используются те же физиологические способности человека к бегу, прыжкам, бросанию предметов, что и в повседневной жизни? Теряется ли специфика пения в китайской культуре оттого, что в китайском языке используется смысловоразличающая система тонов? Предмет изучения в КЛ – именно литература, которая естественным образом выделяется человеком среди других дискурсивных практик на основании варьирующегося в зависимости от ситуации комплекса критериев, связанных с характером используемых механизмов, целями и способами осуществления рецепции и т.д. При этом действительно КЛ – междисциплинарное направление: оно не стремится отгородить литературу от прочих языковых и когнитивных аспектов деятельности человека непреодолимым барьером. Его подход общегуманны-тарный, поскольку в его понимании литература не может существовать, а следовательно, и анализироваться сама по себе – в отрыве от человека.

Когнитивное литературоведение, интерпретация и естественные науки

КЛ нередко воспринимается как один из вариантов проекта по достижению «единства науки», сближению гуманитарных и естественно-научных дисциплин. «Существенный вклад когнитивизма в развитие литературных исследований и надежды, с ним связанные, как уверяют его пропагандисты, заключаются в его соприкосновении с естественными науками и, следовательно, возможности внести в до сей поры “неточное” изучение литературы эмпирические основания» (7, с. 209), – утверждают критики когнитивных исследований в литературоведении С. Адлер и Г. Гросс. С этим они связывают серьезные опасения, из которых самое существенное касается вопроса о совместимости двух эпистемологических систем. Естественно-научная, по их мнению, ориентирована на решение конкретных задач и опирается на весь предшествующий научный опыт, который нельзя игнорировать. «Но можем ли мы и должны ли рассматривать литературу как за-

дачу, нуждающуюся в решении?» – задают вопрос исследователи. Литературоведение скорее не ищет решение, а приводит доводы. Оно также основано на представлении об индивидуальных находках, которые впоследствии могут быть включены другими в их собственные интерпретации лишь в той мере, в какой они им подходят и нравятся. «Литературный анализ в гораздо меньшей степени основан на правильности или доказуемости открытий или неопровержимости свидетельств. Напротив, его “успех” зависит от таких параметров, как оригинальность, уместность, изобретательность, глубина проникновения, – он может быть измерен степенью нашей удовлетворенности тем, что он открыл или высветил в тексте. Особенно важно, что литературная интерпретация в общем случае не стремится стать “одной-единственно-правильной”, как это предполагает термин “решение”. Напротив, она часто беззастенчиво неокончательна, приглашает к внесению дополнений и пересмотру» (7, с. 214).

В этом противопоставлении, восходящем к противопоставлению «наук о природе» и «наук о духе», «объяснения» и «понимания», КЛ несомненно пользуется в первую очередь стратегией объяснения. Оно также чаще рассматривает предшествующий научный опыт (в той его части, на которую ссылается) как фундамент для дальнейших исследований, а не как необязательного партнера по диалогу и в этом также сближается с естественными науками. Вместе с тем эмпиризм и строгая доказательность всего КЛ – это скорее легенда, при этом самими когнитивистами не особо поддерживаемая. Эти характеристики скорее можно отнести к эмпирическому литературоведению, лишь часть которого входит в круг когнитивных исследований литературы. Более того, и в когнитивной науке в целом многие теории не подтверждены в строгих экспериментах – хотя бы потому, что эмпирических методик изучения структур сознания не так много, как хотелось бы иметь. Это касается, в частности, ТКИ, которая тем не менее получила высокую оценку у ведущих современных нейрологов как весьма вероятный механизм, имеющий физиологические основания. Неудивительно, что критерием эпистемологической успешности научного высказывания в КЛ служит скорее *правдоподобие общекогнитивных обоснований* того или иного литературоведческого тезиса.

Ощущение негуманитарности метода КЛ непосредственно связано с тем, что интерпретация не является его первичной и основной целью, в большинстве случаев представляя собой побочный продукт исследования (хотя иногда в результате появляются довольно глубокие и оригинальные толкования отдельных аспектов произведения: примером может служить идея Е. Свитсер о структуре целостного образа Сирано в пьесе Ростана, представляющего собой интеграт некоторых качеств Ростана-автора и Сирано-персонажа) (63). КЛ не стремится ответить на вопрос «Каков смысл этого текста?» – его интересует чаще вопрос «Почему смысл этого текста бывает таков? Как порождается смысл этого текста?» Кроме того, иногда работы в КЛ вообще не затрагивают смысл текста, а сосредоточиваются на аффективных аспектах восприятия, и тогда вопрос звучит так: «Почему мы радуемся/горюем/сеемся при чтении этого текста?».

Для многих его критиков отказ от «вопроса о смысле текста» свидетельствует о том, что КЛ на самом деле не является литературоведением. В этом плане характерно заявление Т.Е. Джексона о том, что литературная интерпретация творчески воссоздает свой объект изучения в его сущностных чертах, в то время как естественные науки исследуют сущность своих предметов (35). Однако если в этом КЛ следует примеру естественных наук, то почему исследование сущности литературы нельзя называть литературоведением?

В действительности исследования литературных текстов приобрели выраженный «интерпретативный» уклон, а литературная теория стала обслуживать интерпретацию лишь во второй половине XX в. До этого момента изучение литературы могло преследовать самые разные цели: от прескриптивных до описательных. Импрессионистический метод «выявления красот» или установление законов, по которым жанры сменяют друг друга, всегда относились к литературоведению. Статистическое стиховедение М. Гаспарова, «точное литературоведение» Б.И. Ярхо, стилометрия П. Гиро, ранние работы М. Риффатерра опираются на эмпирические и точные методологии, оставаясь литературоведением. КЛ выпадает из круга литературоведческих дисциплин только в том случае, если мы искусственно ограничиваем их герменевтическими подходами.

Когнитивное и «традиционное» литературоведение: Альтернатива или дополнение?

Появление нового подхода в гуманитарных дисциплинах нередко вызывает возражения, которые при этом могут быть сами по себе весьма противоречивыми. Чаще всего возникают опасения, что целью нового подхода является «отмена» всего предшествующего знания, полная «смена парадигмы» – от основополагающих категорий и концепций до методов анализа и конкретной терминологии. Связано ли КЛ со стремлением написать новую теорию литературы с чистого листа? Некоторые из наиболее известных когнитивистских работ действительно производят такое впечатление – в первую очередь две основные работы М. Тёрнера 1990-х годов. Списки цитируемой литературы в некоторых книгах также могут выглядеть обескураживающими на взгляд традиционного литературоведа: слишком мало знакомых имен. Тем не менее на самом деле ситуация не столь однозначна. Впечатление тотального пересмотра всех аспектов литературоведения сопровождается знакомством лишь с наиболее ранними когнитивистскими работами. В некоторых случаях эта позиция, очевидно, была связана с ощущением кризиса дисциплины в 1990-е годы, вызванного преобладанием работ интерпретативного характера, выдержанных в духе деконструктивизма и аналогичных течений. Литературная теория этого времени, по мнению М. Тёрнера, была призвана лишь обеспечить инструменты для создания новых, оригинальных толкований, поэтому, на его взгляд, и требовались новые теории, способные вернуть литературоведению «человеческое измерение». Но на практике создания совершенно новой теории не понадобилось.

Если принимать во внимание практическое применение когнитивных представлений к изучению литературы, сразу становится заметно, что если и можно вести речь об отказе когнитивистов от литературоведческой теории, то только в том, что касается ее позднейших изводов – деконструктивизма, постколониализма, феминизма и пр. Когнитивисты свободно используют концепции и категории самых разнообразных авторов: от Аристотеля и Квинтилиана до русских формалистов, М. Бахтина, французских и американских структуралистов, представителей разнообразных школ стилистического анализа и т.п. При этом надо отметить, что в

КЛ специфическая терминология не призвана заменить обычную. В учебнике П. Стоквелла (61) каждый раздел, посвященный рассмотрению некоторого комплекса когнитивных идей, снабжен списком традиционных терминов, имеющих отношение к теме. Например, в главе о роли в перцептивных процессах категорий фона и фигуры (кстати, и эти понятия придумали не когнитивисты) приводится следующий список: отклонение, прием, доминанта, остранение, актуализация, образность, литературность, литературная компетенция, стиль (61, с. 14). Очевидно, что речь идет не о том, чтобы заменить двумя терминами все эти разнообразные понятия, а о том, чтобы ввести в практику слова для обозначения механизмов, стоящих за реальными явлениями, имеющими уже свои названия.

Почему бы не сказать то же самое «простыми словами»?

Даже самый благожелательный читатель при знакомстве с некоторыми когнитивно-литературоведческими работами невольно задает себе этот вопрос. И для этого есть определенные основания. Специальная терминология в любой дисциплине обозначает конкретные явления, и употреблять ее имеет смысл тогда, когда мы говорим именно о них. Г. Адлер и С. Гросс обращают внимание на то, что многие термины, заимствованные из естественных наук, потеряли в литературоведении свой исходный смысл, стали описывать феномены совершенно иного плана (7). КЛ находится здесь в принципиально более выгодной позиции. Действительно, если использовать выражение «принцип неопределенности Гейзенберга» в разговоре о метафоре или интерпретации произведения, сразу понятно, что это словосочетание относится не к элементарным частицам, означает нечто совершенно иное, чем в квантовой механике. Напротив, если литературовед-когнитивист говорит «образ-схема», «фрейм/схема/сценарий», «семантическая память», «метарепрезентация», «Теория сознания» и т.п., он имеет в виду абсолютно то же самое, что и психологи (лингвисты, исследователи искусственного интеллекта, нейрофизиологи), т.е. ментальные процессы и структуры сознания. Но он изучает их в применении к литературе – как основу для функционирования художественного приема, объяснения стилистических особенностей текста, фунда-

мента эстетической рецепции и т.д. Очевидно, что в этих случаях использовать вместо конкретного термина громоздкие описательные конструкции из «простых слов» не имеет смысла в первую очередь потому, что в науке за коротким терминологическим выражением стоит не только само явление, но и комплекс ранее накопленных знаний о нем. Ценность использования «чужого» термина в новом контексте определяется, как правило, именно возможностью использования этого ранее накопленного знания. Простое утверждение американской исследовательницы Л. Зуншайн, что в романе В. Вулф «Миссис Даллоуэй» изображается применение на практике персонажами своей «Теории сознания» (т.е. способности более или менее успешно определять чувства, намерения, желания и т.п. других людей), не сказало бы нам ничего нового о романе Вулф. Фактически мы узнали бы только то, что

в психологии эта ментальная возможность называется «Теория сознания». Использование термина приобретает смысл, когда Л. Зуншайн обращается к данным психологии о функционировании «Теории сознания» для выявления одной из причин, почему проза Вулф производит впечатление усложненной. В экспериментах было установлено, что человек при заданиях на активацию этой способности может без особых сложностей воспринять не более четырех уровней интенциональности (т.е. конструкций вроде «А подумал, что В решил, что С считает и т.п.»), но обычные каузальные последовательности существенно большей длины не вызывают у него ни малейших затруднений. Для В. Вулф характерен регулярный выход за пределы четырех допустимых уровней интенциональности, при этом она практически не использует эмоционально окрашенные лексемы, которые могли бы облегчить восприятие текста (72). Таким образом, Л. Зуншайн переводит характеристику стиля Вулф как «усложненного» из разряда субъективных оценочных высказываний в категорию тезисов, получивших эмпирическое объяснение, и в этом контексте использование когнитивной терминологии приобретает смысл.

Впрочем, не всегда обращение к специальным терминам выглядит столь же убедительно. В этом плане показательна судьба теории концептуальной интеграции (ТКИ). Поскольку концептуальная интеграция действительно один из наиболее универсаль-

ных когнитивных механизмов, у литературоведов, знакомых с ней, возникает желание использовать ТКИ для самых разнообразных целей. Так, например, она довольно часто применяется в анализе процессов, протекающих в психике персонажей, особенно душевнобольных или психологически травмированных, как это, например, делается в статьях Ш. Макалистер (45) и Е. Семино (58). Однако при чтении легко обнаружить, что, хотя психика героинь анализируемых произведений хорошо описывается с помощью категориального аппарата ТКИ, это описание несложно перевести на обычный язык без потери смысла. Точно так же использование ТКИ для анализа гибридных жанров (59) или повествовательной перспективы (16; 17) выглядит как перевод на новый научный язык тезисов, хорошо известных в традиционном литературоведении.

В то же время для анализа образности, особенно поэтической, и, следовательно, интерпретации поэтических текстов ТКИ и теория ментальных пространств представляют собой очень удобный категориальный аппарат, даже если все их возможности не реализуются. В качестве примера можно привести работу И.А. Тарасовой (4), одного из редких российских литературоведов, обращающихся к когнитивным методикам анализа. С одной стороны, автор использует только основную понятийную схему теорий М. Тёрнера и Ж. Фоконье, оставляя в стороне и всю тщательно проработанную систему правил, по которым одни ментальные пространства генерируются на основе других, и типологию концептуальных интегратов, функционирующих по-разному в зависимости от типа. С другой стороны, любая попытка переформулировать рассуждения автора в традиционных имагологических категориях приводит к потере ясности изложения, т.е. использование когнитивных терминов здесь полностью оправдано. Аналогичные соображения можно высказать и о работе японского исследователя М.К. Хирага на материале японских хокку и английской фигуративной поэзии (30). Ничего удивительного в этом нет, так как ТКИ и теория ментальных пространств создавались для изучения генерации значений высказываний, в особенности непрямого значения – метафорического, метонимического и т.п., а в толковании поэтических текстов всегда была важна подробная экспликация механизмов порождения смысла, фактически игравшая роль обоснования выбранной интерпретации.

Чего ожидать от когнитивных исследований литературы и чего от них ожидать не следует (но можно)?

Оценивая любой новый научный подход или новую концепцию, его критики практически всегда задаются вопросом: что нового могут сказать нам наши коллеги, сменившие исследовательскую парадигму? В отношении КЛ этот вопрос звучит особенно полемически, поскольку работы, написанные в этом ключе, нередко изобилуют утверждениями, которые в рамках гуманитарной традиции могут казаться (и вполне справедливо) тривиальными. Ф. Келлетер, например, иронически цитирует в качестве «результатов анализа, конечных пунктов аргументации» высказывания М. Тёрнера о том, что «Браунинг пользуется этой возможностью для персонификации ветра», «считая событие смерти и его причину ужасными, мы должны воспринимать как ужасную и фигуру Смерти-Жнеца» (39, с. 161). В. Третьяков оценивает заимствованный из книги того же М. Тёрнера тезис о том, что говорящие звери античной или классицистической басни – это типичный пример концептуального интеграта, как не несущий для литературоведа «решительно ничего нового (во всяком случае – полезного)», хотя когнитивист и «находит в этом, должно быть, хорошую иллюстрацию собственной теории» (6, с. 320).

Однако последнее утверждение М. Тёрнера – хороший пример того, как когнитивизм изменил угол зрения, перспективу восприятия литературы и в чем заключаются его новизна и ценность. Обычно, изучая античную басню, литературовед принимает ее существование как данность, в крайнем случае ограничиваясь указанием на предшествующие сходные дискурсивные практики. Но вопрос: «Как такое произведение в принципе возможно, почему мы не только не воспринимаем эти тексты как речи безумца, хотя никогда в жизни не видели говорящих животных, но и извлекаем из них значимые для себя смыслы?» – в рамках привычного для нас литературоведения, как правило, не ставится. Для литературоведа сам факт существования литературы (жанра, приема, образа) сам собой разумеется и воспринимается как предпосылка собственно аналитической работы. Напротив, первичная, непосредственная реакция литературоведа-когнитивиста на объект изучения –

это **удивление**: как такое стало возможным? А именно удивление Аристотель, выявивший наиболее фундаментальные основы когнитивной деятельности, рассматривал как первичный стимул к познанию: по его словам, удивление побуждает людей философствовать. Оно возникает, когда причины чего-либо еще неизвестны и это вызывает недоумение. «Удивляющийся считает себя незнающим», поэтому некоторые, особенно сложные в познании, предметы (например, душа) способны удивлять более всего. У литературоведа-когнитивиста удивление вызывает сам факт существования литературы: почему такая необычная, сложная, не несущая, казалось бы, практической пользы дискурсивная практика стала возможной? Для чего она нужна (ведь повсеместность ее распространения и неизменность ее сохранения явно свидетельствуют о том, что это – не просто развлечение)? От ответов на эти вопросы зависят наше представление о самих себе, о сущности человека, о том, чем он отличается от других биологических видов, и одновременно возможность решения многих фундаментальных проблем литературной теории, вполне для нее традиционных: подражает ли поэзия природе (отражает ли она реальность); каков онтологический статус художественной реальности; возникают ли литературные жанры и приемы из нелитературных дискурсивных практик, и если да, как это происходит? – и т.п. Именно поэтому М. Тёрнер считал когнитивистский проект **возвращением литературоведению «человеческого измерения», гуманизацией литературной теории**.

Таким образом, первое, что нам следует искать в когнитивистских работах, – это анализ наиболее фундаментальных причин литературы как общечеловеческой способности, как высшего и наиболее полного проявления многих механизмов его ментальной деятельности. Почему в принципе возможен «временный добровольный отказ от недоверия» (выражение С. Колриджа)? Почему мы эмоционально вовлекаемся в перипетии жизни вымышленных героев (что нам Гекуба)? Почему человечество продолжает практиковать литературные занятия, несмотря на их практическую бесполезность?

Вместе с тем реакция удивления присуща не только общетеоретическим когнитивистским работам. Существенная часть исследователей задают себе вопросы «Почему? Как это получается?»

в отношении более частных явлений. Например, в работах Р. Цура был рассмотрен вопрос о материальных основаниях эмоциональной окраски звуков в поэзии – феномене, который еще в середине XX в. получил статистическое подтверждение на европейском материале, но не объяснение. Почему стихотворения с преобладанием звуков [k], [t], [r] статистически чаще тематически выдержаны в «агрессивных» тонах (и соответствующим образом воспринимаются), а стихи с преобладанием [m], [n], [l] – в «мягких» (tender)? Почему в поэзии преобладание звука [u] коррелирует с темными, а звука [i] – с яркими визуальными образами (67, с. 184–206)? Упомянутая выше Л. Зуншайн (72) пытается понять, почему роман В. Вулф «Миссис Даллоуэй» (и аналогичные ему) ощущается читателем как сложный для восприятия, несмотря на отсутствие в нем сложных игр с уровнями реальности, интертекстуальных отсылок, обязательных для понимания первичного смыслового слоя, сверхсложного синтаксиса и т.п. В. Тобин выявляет материальные основания того, как в детективном романе Г. Грина «Брайтонский леденец» («Brighton Rock», 1938) изложение героиней своих выводов относительно смерти ее друга формирует своего рода пуант – сюжетный поворот, вызывающий у читателя ощущение неожиданной развязки, – хотя в самом тексте произведения даны все необходимые сведения, чтобы мы сочли версию героини логичной, следующей из ее предшествующих находок и рассуждений (65). Легко заметить, что подобные вопросы и ответы связаны преимущественно с рецептивным аспектом литературы. Однако в рамках КЛ может изучаться и противоположный конец отрезка «творчество-рецепция». В статье Д.С. Данахера о метафорическом представлении концептов истины и лжи в «Смерти Ивана Ильича» Л.Н. Толстого (15) показывается, что яркие, необычные, практически визуальные метафоры произведения, позволявшие считать его предвестием символистской эстетики, основаны на общеязыковых и общекультурных способах представления этих двух понятий.

Универсализм когнитивного подхода предполагает, что фундаментальные механизмы человеческого мышления сохраняются неизменными в разных культурах и на протяжении довольно длительного исторического периода. Тем не менее, как нам представляется, у когнитивного метода довольно хорошие перспективы в сравнительной и исторической поэтике. Поиск когнитивных ос-

нований литературных приемов, жанров, стилей может пролить свет на их возникновение и эволюцию. Так, Л. Зуншайн рассмотрела изображение в нарративах «Теории сознания» персонажей в контексте не только стилистики В. Вулф, но и эволюции английского романа (73). Историки английской литературы считают, что перелом в поэтике романа, связанный с изображением «много-слойной и многократно отраженной субъективности, глубокой интерсубъективности», произошел во времена Дж. Остен. И, как показала Л. Зуншайн, это мнение имеет под собой реальные основания, хотя внешне сходное изображение человеческой психологии присутствовало в более ранних произведениях. В романах Дж. Остен не только чаще, чем в эпоху сентиментализма, стали использоваться описания психики персонажей с предельным для читательского комфорта числом вложенных уровней интенциональности, но и принципиальным образом изменилась структура этих описаний, с которыми стало невозможно провести упрощающие их преобразования.

Перспективы для исторического анализа литературы открывает также идея Р. Цура, что поэтические конвенции представляют собой «застывшие» (fossilized) психологические процессы, превратившиеся в словесные поэтические приемы (66). Конечно, многие устойчивые поэтические образы или жанры формировались на основе предшествующей традиции. Когда Петрарка или Ронсар описывали любовную страсть как состоящую из двух разнонаправленных аффектов, они во многом опирались на знаменитое катулловское «Odi et amo» и его вариации. Но почему одни образы сформировали такую устойчивую традицию, а другие – нет? Подражания и иные формы заимствования эстетических средств, по мнению Р. Цура, не являются полностью произвольными или случайными, их активная «социальная трансмиссия», которая и приводит к кристаллизации поэтических условностей, осуществляется в тех случаях, когда конкретный эстетический прием хорошо соответствует возможностям и способу функционирования человеческого сознания. Если бы в основе художественного образа «противоречивость страстей в любви» не лежали эффективные психологические процессы переработки амбивалентной информации («стратегия сглаживания» и «стратегия заострения»), он бы не воспроизводился столь регулярно и не выбирался более поздними

поэтами в качестве объекта для подражания, а следовательно, не мог бы превратиться в застывшую поэтическую форму.

Не следует от когнитивистов в ближайшее время ждать всеобъемлющей, полной теории литературы. Даже наиболее близкая к этому жанру работа Р. Цура (67) носит название, которое на русский язык можно было бы перевести в духе Веселовского – «Материалы к созданию когнитивной поэтики», подчеркивая ее принципиальную неполноту. Причина этого также очевидна – эмпирический, индуктивный характер когнитивных исследований. Когнитивные основы различных аспектов литературы можно выявить в практическом анализе текстов и их рецепции, а это требует времени и больших исследовательских усилий многих ученых. Однако совмещение когнитивного подхода с более традиционными теориями может принести определенные результаты. Одним из многообещающих вариантов могло бы стать когнитивное переосмысление нарратологической системы Ж. Женетта. Например, в статье Т. Бриджмэн один из существенных компонентов теории французского структуралиста – пролеписис – осмысливается в терминах концепции К. Эммот как переключение «концептуального фрейма». Это позволяет подвести рецептивные основания под классификацию пролеписисов, имеющую у самого Женетта скорее описательный характер, а также выделить дополнительные типы пролеписисов и объяснить различия в производимых ими эффектах (10).

Когнитивный подход может способствовать решению некоторых «больных» вопросов литературной теории, например проблемы несовпадения «исторических» и «теоретических» жанров или жанровых систем (идея, исходно принадлежавшая Ц. Тодорову). Он мог бы сделать менее трудоемкой выявление общей основы у конкретных исторических жанров, а также примирить разнообразные теоретические представления о сущности этой категории, которые во многих моментах противоречат друг другу, но весьма удачно описывают отдельные аспекты ее функционирования. Если рассматривать жанр как вариант идеальной когнитивной модели по Дж. Лакоффу и пользоваться прототипической системой классификации, разработанной для характеристики естественных классов, эти проблемы могут быть удачно решены.

Ожидать от КЛ большого числа новых оригинальных толкований художественных текстов, особенно канонических, было бы,

наверное, опрометчивым, поскольку **интерпретация, по сути дела, является побочным результатом деятельности литературоведов этого толка.** Тем не менее выявление механизмов функционирования литературы и оснований ее воздействия на читателя, которое и есть главная задача КЛ, может порождать отдельные удачные интерпретационные находки. Кроме того, исключением в этом плане может стать анализ поэтических текстов, основанных на метафорических (в широком смысле слова) образах.

* * *

Когнитивное литературоведение – это серьезное переосмысление многих аспектов литературоведческой деятельности. Это новый взгляд на литературу как высшую форму проявления человеческих ментальных способностей, а не факультативную надстройку над естественным языком и естественными формами мышления. Это чувство восторга и удивления перед литературой как феноменом человеческой жизни, перед ее приемами и эффектами. Это поиск причин того, как эти удивительные явления стали возможными. Это проблематизация многих вещей, которые в течение долгого времени казались литературоведам сами собой разумеющимися. Это отказ от произвольной или идеологизированной интерпретации литературного текста. Это эмпирическая проверка привычных литературно-теоретических утверждений. Это поиск рецептивной основы для категорий, которые, казалось бы, относятся к организации самого текста. Но это, как нам представляется, никогда не станет отказом от литературоведческой традиции, от проверенного временем поэтологического словаря, от привычной нам теории литературы и рецептивной эстетики.

Литература

1. *Женетт Ж.* Вымысел и слог // Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – С. 342–451.
2. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

3. *Лозинская Е.В.* Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения. – М., 2007. – 160 с.
4. *Тарасова И.* «Каждый бы подумал, как подумал Пушкин»: Когнитивные механизмы интертекстуальности // Художественный текст как динамическая система: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева / Отв. ред. Фатеева Н.А. – М.: Управление технологиями, 2006. – С. 95–103.
5. *Тодоров Ц.* Поэтика // Структурализм: За и против. – М.: Прогресс, 1975. – С. 37–113.
6. *Третьяков В.* Когнитивная наука о литературе: (Рец. на кн.: *Лозинская Е.В.* Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков. М., 2007) // НЛЮ. – М.: НЛЮ, 2009. – № 98. – С. 317–324.
7. *Adler H., Gross S.* Adjusting the frame: Comments on cognitivism and literature // Poetics today. – Durham: Duke univ. press, 2002. – Vol. 23, N 2. – P. 195–220.
8. Biopoetics: Evolutionary explorations in the arts / Ed. by Cooke B., Turner F. – Lexington: ICUS, 1999. – 466 p.
9. *Bortolussi M., Dixon P.* Psychonarratology: Foundations for the empirical study of literary response. – N.Y.: Routledge, 2003. – XIII, 304 p.
10. *Bridgeman T.* Thinking ahead: A cognitive approach to prolepsis // Narrative. – Columbus: Ohio state univ. press, 2005. – Vol. 13, N 2. – P. 125–157.
11. *Carroll J.* Evolution and literary theory. – Columbia: Univ. of Missouri press, 1995. – XI, 518 p.
12. Cognitive approaches to figurative language: A special issue / Ed. by Hardy D. – Style. – DeKalb: Northern Illinois univ., 2002. – Vol. 36, N 3. – P. 363–568.
13. Cognitive poetics in practice / Ed. by Gavins J., Steen G. – London: Routledge, 2003. – 240 p.
14. Cognitive stylistics: Language and cognition in text analysis / Ed. by Semino E., Culpeper J. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – XVI, 333 p.
15. *Danaher D.S.* A cognitive approach to metaphor in prose: Truth and falsehood in Leo Tolstoy's «The death of Ivan Il'ich» // Poetics today. – Durham: Duke univ. press, 2003. – Vol. 24, N 3. – P. 439–469.
16. *Dancygier B.* Blending and narrative viewpoint: Jonathan Raban's travels through mental spaces // Language and literature. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE publications, 2005. – Vol. 14, N 2. – P. 99–127.
17. *Dancygier B.* What can blending do for you? // Language and literature. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE publications, 2006. – Vol. 15, N 1. – P. 5–15.

18. *Dissanayake E.* Homo aestheticus: Where art comes from and why. – N.Y.: Free press, 1992. – XXII, 297 p.
19. *Dynamique et cognition: Nouvelles approches: A special issue / Ed. by Abrioux Y.* – Saint-Denis: Presses universitaires de Vincennes, 1999. – N 17. – 176 p. (TLE: Théorie, littérature, enseignement).
20. *Easterlin N.* Making knowledge: Bioepistemology and the foundations of literary theory // *Mosaic.* – Manitoba: Univ. of Manitoba press, 1999. – Vol. 32, N 1. – P. 131–147.
21. *Emmott C.* Narrative comprehension: A discourse perspective. – Oxford; N.Y.: Clarendon press: Oxford univ. press, 1999. – XIV, 323 p.
22. *Fauconnier G.* Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. – XLVI, 190 p.
23. *Fauconnier G., Turner M.* The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. – N.Y.: Basic books, 2002. – 464 p.
24. *Fludernik M.* Towards a «natural» narratology. – London: Routledge, 1996. – XVI, 454 p.
25. *Herman D.* Scripts, sequences, and stories: Elements of a postclassical narratology // *PMLA: Publications of the Modern language association of America.* – N.Y.: Modern language association of America, 1997. – Vol. 112, N 5. – P. 1046–1059.
26. *Herman V.* Deictic projection and conceptual blending in epistolarity // *Poetics today.* – Durham: Duke univ. press, 1999. – Vol. 20, N 3. – P. 523–541.
27. *Herman D.* Narratology as a cognitive science // *Image(&)narrative.* – [Leuven: Katholieke univ. Leuven], 2000. – Vol. 1, N 1. – Mode of access: <http://www.imageandnarrative.be/narratology/davidherman.htm>
28. *Hernadi P.* On cognition, interpretation and the survival of literature: A response to Hans Adler and Sabine Gross // *Poetics today.* – Durham: Duke univ. press, 2003. – Vol. 24, N 2. – P. 185–190.
29. *Hernadi P.* Why is literature: A coevolutionary perspective on imaginative world-making // *Poetics today.* – Durham: Duke univ. press, 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 21–42.
30. *Hiraga M.* «Blending» and an interpretation of haiku: A cognitive approach // *Poetics today.* – Durham: Duke univ. press, 1999. – Vol. 20, N 3. – P. 461–481.
31. *Hogan P.C.* The mind and its stories: Narrative universals and human emotion. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – XII, 302 p.
32. *Hogan P.C.* Verbal art and the human mind: Notes on a research program in cognition and culture // *Consciousness, literature and the arts.* [Electronic resource]. – [Aberystwyth: Univ. of Wales], 2005. – Vol. 6, N 2. – Mode of access: <http://www.aber.ac.uk/tfts/journal/archive/universalsintro.html>

33. *Hogan P.C.* What are literary universals? // Literary universals project. [Electronic resource]. – Palermo: Univ. of Palermo, 2006. – Mode of access: <http://litup.unipa.it/docs/whatr.htm>
34. *Holland N.N.* Literature and the brain. – Gainesville: The PsyArt foundation, 2009. – VIII, 457 p.
35. *Jackson T.E.* «Literary interpretation» and cognitive literary studies // Poetics today. – Durham (NC): Duke univ. press, 2003. – Vol. 24, N 2. – P. 191–205.
36. *Jahn M.* Frames, preferences, and the reading of third-person narratives: Towards a cognitive narratology // Poetics today. – Durham: Duke univ. press, 1997. – Vol. 18, N 4. – P. 441–468.
37. *Jahn M.* «Speak, friend, and enter»: Garden paths, artificial intelligence, and cognitive narratology // Narratologies: New perspectives on narrative analysis / Ed. by Herman D. – Ohio: Ohio state univ. press, 1999. – P. 167–194.
38. *Jahn M.* He opened the window and in flew Enza: Stanley Fish, nontrivial machines, and postclassical narratology // Frame: Utrecht journal of literary theory. – Utrecht, 2002. – Vol. 16, N 2. – P. 20–37.
39. *Kelleter F.* A tale of two natures: Worried reflections on the study of literature and culture in an age of neuroscience and neo-darwinism // Journal of literary theory. – Berlin: De Gruyter, 2007. – Vol. 1, N 1. – P. 153–189.
40. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1980. – XIII, 242 p. – Рус. пер.: *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. Баранова А.Н. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
41. Language and literature: Special issue / Ed. by Dancygier B. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE publications, 2006. – Vol. 15, N 1. – P. 1–120.
42. Language and literature: Special issue / Ed. by van Peer W. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE publications, 2007. – Vol. 16, N 2. – P. 99–224.
43. Literary pragmatics: Cognitive metaphor and the structure of the poetic text / Ed. by Radwanska-Williams J.; Hiraga M.K. // Journal of pragmatics. – Amsterdam: Elsevier, 1995. – Vol. 24, N 6. – P. 579–716.
44. Literature and the cognitive revolution: A special issue / Ed. by Richardson A., Steen F.F. // Poetics today. – Durham: Duke univ. press, 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 1–182.
45. *McAlister S.* «The explosive devices of memory»: Trauma and the construction of identity in narrative // Language and literature. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE publications, 2006. – Vol. 15, N 1. – P. 91–106.

46. *Meyer J.* What is literature? A definition based on prototypes // Work papers of the Summer institute of linguistics: Univ. of North Dakota. – Huntington Beach (etc.), 1997. – Vol. 41. – P. 33–42.
47. *Miall D.S.* Literary reading: Empirical and theoretical studies. – N.Y.: Peter Lang, 2006. – 234 p.
48. *Miall D.S., Kuiken D.* The form of reading: Empirical studies of literariness // Poetics. – The Hague: Mouton, 1998. – Vol. 25, N 6. – P. 327–341.
49. *Miall D.S., Kuiken D.* What is literariness? Three components of literary reading // Discourse processes. – Norwood: Ablex pub. corp., 1999. – Vol. 28, N 2. – P. 121–138.
50. Narrative theory and the cognitive science / Ed. by D. Herman. – Stanford: Center for the study of language and information, 2003. – IX, 363 p.
51. Origins of fiction: Special issue / Ed. by Abbott H.P. // SubStance. – Madison: Univ. of Wisconsin press, 2001. – Vol. 30, N 1/2. – P. 1–271.
52. *Richardson A.* Cognitive literary criticism // Literary theory and criticism: An Oxford guide / Ed. by Waugh P. – N.Y., 2006. – P. 544–556.
53. *Richardson A.* Studies in literature and cognition: A field map (introduction) // The work of fiction: Cognition, culture, and complexity / Ed. by Richardson A., Spolsky E. – N.Y.: Ashgate, 2004. – P. 1–29.
54. *Richardson A., Steen F.* Reframing the adjustment: A response to Adler and Gross // Poetics today. – Durham: Duke univ. press, 2003. – Vol. 24, N 2. – P. 151–159.
55. *Rosch E.* Principles of categorization // Cognition and categorization. – Hillsdale, 1978. – P. 27–48.
56. Routledge encyclopedia of narrative theory / Ed. by Herman D., Jahn M., Ryan M.-L. – London; N.Y.: Routledge, 2008. – 718 p.
57. *Ryan M.L.* Possible worlds: Artificial intelligence and narrative theory. – Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 1991. – VIII, 291 p.
58. *Semino E.* Blending and characters' mental functioning in Virginia Woolf's «Lap-pin and Lapinova» // Language and literature. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE publications, 2006. – Vol. 15, N 1. – P. 55–72.
59. *Sinding M.* Genera mixta: Conceptual blending and mixed genres in Ulysses // New literary history. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2005. – Vol. 36, N 4. – P. 589–619.
60. *Spolsky E.* Darwin and Derrida: Cognitive literary theory as a species of post-structuralism // Poetics today. – Durham: Duke univ. press, 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 43–62.
61. *Stockwell P.* Cognitive poetics: An introduction. – London: Routledge, 2002. – 193 p.
62. *Storey R.* Mimesis and the human animal: On the biogenetic foundations of literary representation. – Evanston: Northwestern univ. press, 1996. – XXII, 274 p.

63. Sweetser E. Whose rhyme is whose reason? Sound and sense in «Cyrano de Bergerac» // *Language and literature*. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE publications, 2006. – Vol. 15, N 1. – P. 29–54.
64. *The Cambridge history of literary criticism*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1989–2005. – Vol. 9: Twentieth-century historical, philosophical and psychological perspectives. – 2001. – 442 p.
65. Tobin V. Cognitive bias and the poetics of surprise // *Language and literature*. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE publications, 2009. – Vol. 18, N 2. – P. 155–172.
66. Tsur R. Poetic conventions as fossilized cognitive devices: The case of Mediaeval and Renaissance poetics // *PsyArt: A hyperlink journal for the psychological study of the arts* [Electronic resource]. – 2008. – Article 080921. – Mode of access: http://www.clas.ufl.edu/ipsa/journal/2008_tsur01.shtml
67. Tsur R. *Toward a theory of cognitive poetics*. – Amsterdam: Elsevier, 1992. – 580 p.
68. Turner M. *Death is the mother of beauty: Mind, metaphors, and criticism*. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1987. – XI, 208 p.
69. Turner M. *Reading minds: The study of English in the age of cognitive science*. – Princeton: Princeton univ. press, 1991. – X, 298 p.
70. Turner M. *The literary mind*. – N.Y.: Oxford univ. press, 1996. – VIII, 187 p.
71. Werth P. *Text worlds: Representing conceptual space in discourse* / Ed. by Short M. – Harlow: Longman, 1999. – 390 p.
72. Zunshine L. *Theory of mind and experimental representations of fictional consciousness* // *Narrative*. – Columbus: Ohio state univ. press, 2003. – Vol. 11, N. 3. – P. 270–291.
73. Zunshine L. *Why Jane Austen was different, and why we may need cognitive science to see it* // *Style*. – DeKalb: Northern Illinois univ., 2007. – Vol. 41, N 3. – P. 272–298.